

ВОСПОМИНАНИЯ

Наша деревня Коншино находилась в стороне от беездных дорог: лишь изредка в сухую погоду летом и зимнюю хорошую долгу проходили люди из деревень Хаймилово и Межецево через нашу деревню в село Архангельское.

В Коншине всегда было чисто, сухо, заулки покрыты мягкой зеленой травой, точно бархатным ковром. Почти каждую субботу девочки мели улицу около своих домов. Даже весно пели:

Завтра праздник
воскресенье,
Надо улицу мести.
Почему не ходит дроля?
Надо ленту завести.
Девочки подражали
взрослым и пели те же песни.

Деревня возвышалась над всеми окружающими, ее было видно издалека. Домов в деревне было 18, расположались в два ряда.

По основному ряду было 14 домов, окнами выходили на улицу и четыре дома стояли дворами на улице, а окнами на южную сторону. Домов богатых в деревне не было, только небольшие, одноэтажные, но хорошие. Один дом дяди Николая — двухэтажный. Очень бедных домов тоже не было. Были бедней других дома Вьюшиной Юлии — вдовы и Шараповой Павловны Михайловой, тоже вдовы, которая имела 6 детей.

Через улицу, прямо квадратного дома — небольшие садики, в которых росли черемуха, яблони, рябина, кусты смородины, крыжовника.

За дворами располагались огороды. Около нескольких домов росли бе-резы.

При въезде в деревню от Кузьминского налево от въезда аккуратно сложен под крышей пожарный инвентарь, рядом стоял столб,

на котором прибита красной формы выкрашенная белизнами доска, на ней красной краской четко, краем написано крупными буквами: «Деревня Коншино, творов — 18, десятин — 29, душ — 96».

Эту доску любовно сделал брат перед уходом в армию осенью в 1914 году. Доска стояла по концу существования деревни.

Коншинский очень любил свою деревню и даже имел в деревне сложены пещи, готовые с гордостью показать особенно девочки:

Коншино, нашу деревню,

Можно городком назвать. Кто проедет, да похаст-

Тому голову назад.

Коншино, наша деревня.

Ровно городочек.

У одного у парнека

Отштитый вороточек.

Кому посвящена эта ча-

пушка? Несчастно, но точно у Н. Н. Вьюшина, у Молотого, была вышитая пушка — возможно и ее.

Народ в деревне в большинстве был спокойный, дружный. Очень редко ссорились, а драк вообще не было.

Шум и недовольство было со стороны некоторых лишь тогда, когда шел передел земли по едокам и иногда в 1918 г., когда лежал хлеб или другие продукты и товары.

Мужчики в праздники выходили всегда на улицу, чтобы следить за порядком. Чаще всего они собирались

на середине деревни на скамейке около дома Брызгалова Алексея Матвеевича, а зимой — в избе у него — играли в карты или просто разговаривали.

Молодежь любила собираться около дома Вьюшина Н. Н. на лужайке и на бревнах перед домом Костылевой М. М. На Троицкой неделе перед окнами Вьюшина делали качели каждый год. Кроме того молодежь гуляла в поле под Кузьминским на косогоре (где был и Есенин, приезжая в Коншину). Однако летом любимым местом для гуляния у молодежи было местечко под Ивановым «на мостках».

Чилю и станок, где отец точил косы.

Перед окнами братья сделали клумбы, где сеяли цветы. Возле грядок — небольшой погреб. За двором через улицу был еще огород, где на нескольких грядках (кажется, их было 4) выращивали капусту. Через между в том же огороде росли 13 яблоней.

Наш дом был большой, крачный, опущенный с мезонином, а из мезонина выход на балкон. В мезонине имелись два небольших окна по бокам, а на середине — дверь (сверху стекло, а дальше деревянная, столярной работы).

Братья вместе с отцом покрасили домик желтой краской. Младший брат Федя выпилил красивые узоры на балконе и на ве-ранде. Вокруг окон сделали красивые наличники и покрасили белой краской (окон наш дом имел 10: 4

О БРАТЕ

Как только таял снег, то сразу же молодежь отправлялась «на мостки». И даже песню пели:

Скоро, скоро снег
растает,
На мостки гулять
пойдем.

Которы отданы
подарочки.

Опять назад возвращаем.

Молодежь у нас в деревне была довольно культурная, парни высокие, стройные, аккуратно одетые, довольно симпатичные и пользовались авторитетом у девушек.

Девушки одевались не богато, но изящно, со вкусом, красиво, многие сами шили одежду.

В основном, крестьяне были хлеборобы, люди трудолюбивые и жили посреднему. У кого мало земли, были мастеровыми: печники (братья Ганины), плотники (братья Шараповы).

Обходились без насмешливых прозвищ, называли всех по имени без отчества и по фамилии, или же по имени хозяина, или хозяйки. Например, Митревы (в честь Дмитрия), Матвеевы (в честь Матвея), Феклистины, Таисины, Манефины — по бабушкам. Нас звали Пинины, т. к. имя мамы Евлампия (ласкательно Пия). Ребят дяди Асикрита звали Сетковы (т. к. дядю Асикрита называли Сетко). По фамилии называли Лугановых, Вьюшиных и Ганиных (дядя Николая детьей).

Наш дом старый, в котором родился Алекей, был маленький, в 3 окна, что выходили на улицу. Новый дом (я помню, как его сделали) стоял окнами «на полдень», двором — к улице, у крыльца росли 2 высокие березы. За двором выходил на улицу маленький садик, где росли две яблони, большая черемуха, по кусту можжевельника и смородины.

Рядом с садиком, за двором у самой улицы был глубокий колодец — с вкусной, чистой водой, которой пользовались многие из деревни. Перед окнами — огороженный дощатой изгородью участок, где садили сахарный горох, брюкви, моркови, огурцы и др.

В правом углу от дома, около крыльца, за палисадником росли две высокие, развесистые ивы, на которых братья сделали беседку из широких толстых досок и забирались туда летом. Рядом росли бересклеты и ель. Около ели, верней почти под ней, стояло толь-

передние и по 3 окна по бокам). Точно кружевом обшито было под крышей узорчатой полосой вокруг фронтона и по карнизу. Крыша была железнная и покрашена зеленой краской (поздней — красной).

Внутри избы разделили заборками на 4 части. В большой комнате от стен были сделаны лавки, в переднем углу стоял большой стол. В маленькой — на середине стоял столик, в венских стульев.

Большая изящно сделанная отцом русская печь, три стекла которой были почти до потолка с красными карнизами.

Стены в избе были бревенчатые, правда, вытесанные и выглядели красиво, под крашенный. Отец мечтал в избе отштукатурить, оклеить, но так ему и не удалось это. С такой большой семьей не хватало средств.

Семья наша состояла из 9 человек (отец, мать, 5 дочерей и 2 сына). Иногда подшучивали знакомые над отцом: «Степаныч, у тебя кругленькая семейства-то». Да, действительно кругленькая. Раньше была пословица: «Семеро ребят, так и барина съедят». А отец был всего лишь пекарь. Доставалось ему.

Старшая сестра Шура была на полтора года старше Алеши, они очень дружили с детских лет. Алеша ее всегда звал Шурочкой. Ели они всегда из одной чашки, за столом сидели рядом. Если один из них провинился и его ругали, плакали вместе.

Однажды был забавный случай (рассказывала мама). Алеша и Шура ели гороховый суп, он им так понравился, что попросили прибавки. Папа сказал: «Не съедите — за ворот вылью».

Отвечают: «Съедим, съедим». Ели, ели и вдруг заревели: есть-то не могут, а признаться боятся.

Маленький Алеша очень любил парное молоко. Мама рассказывала, что когда она доила корову, то они с котом рядом сидели на лесенке во дворе. Алеша сидел с чашечкой в руке, а кот тоже возле своей чашки, и в первую очередь им наливали. Над ним дома посмеивались, что пил парное молочко и стал полным и белым.

**М. А. КОНДАКОВА
(ГАНИНА).**

Рукопись перелана в ре-акцию А. А. Еремеевым. публикуется впервые. В сокращении
(Продолжение следует).

ВОСПОМИНАНИЯ О БРАТЕ

(Начало в № 122).

Рос Алеша крепким, здоровым мальчиком и сильным, с ним ребята боялись ввязываться в драку. Наш отец учил его: «Ты первый не начинай драку, а нападут, то дай сдачи так, чтобы больше не захотели нападать». Алексей так и поступал, поэтому на него редко нападали, кому же хочется быть битым? Тогда ребята нашли случай отомстить.

Когда Алеша учился во 2 классе, ему сшили зимнее пальто (вместо ваты на куделе, длинное с запасом, тяжелое; ведь каждый год новые вещи родители не могли покупать). Аленка винно из-за этого пришел домой поздней других, а мальчишки передали, что его оставили после уроков. Только зашел в избу — мама его напорола вицей, не узнав в чем дело. Всю жизнь потом жалела, а мальчишки остались довольны.

В 8 лет Алеша пошел в Мочаловское земское училище. За отличные успехи и примерное поведение был награжден евангелием (тогда это была лучшая награда).

Затем учился в Устье Кубенском в двухклассном училище. Это далеко от нашей деревни и Алеша редко ходил домой. Привозила его сестра Шура и всегда со слезами. Шура иногда ходила в Устье, когда долго не приходил Алеша и носила ему пироги и другие пролукты.

Один раз в училище священник здорово набил мальчика по голове, тот заболел и умер. На похоронах Алеша прочел свое стихотворение, посвященное мальчику. Едва не исключили, спасся тем, что хорошо учился.

С детства Алеша рос любознательным. Очень любил слушать сказки, которые рассказывала бабушка Феониста Дмитриевна (мамина мать), а она много знала сказок. Отец работал на заводе и много слышал серьезных и шуточных историй и дома рассказывал. Много рассказывал былии, сказок и бывальщин дедушка Дуганов.

Стихи писать он начал рано, но, к сожалению, они не сохранились.

Алеша часто читал интересные стихи и рассказы вслух, особенно вечерами,

когда взрослые что-то делали. Любила слушать его мать. Много стихов Алеша заучивал наизусть и расхаживая по избе, читал их громко. Любил слушать песни народные, которые хорошо пела наша мать.

После окончания училища Алеша какой-то период работал с отцом на Беляевском заводе, помогал подносить глину, кирпичи, песок и учился класть печи.

Надо сказать, что отец был хороший мастер, делал печи крепко и красиво, иногда люди ждали долго, лишь бы он сделал. Отец был вынужден находиться на заработках почти круглый год, т. к. земли имел всего 3½ надела, а семью в 9 человек. Своего хлеба у нас хватало только до Михайлова дня (21 ноября), остальную часть года приходилось покупать. В самый сенокос отец находился дома и в большие морозы зимой.

Дома с хозяйством управлялись мать и старшие сестры, особенно доставалось Шуре, ну и Августа помогала уже. Шура летом ходила «в люди» косить, жать, молотить, трепать и мять лен. С таким маленьким земельным участком семья быстро справлялась. Отец, бывало, вспашет весной, поснет и опять уходит в «работу» до сенокоса.

После завода Алеша работал у какого-то купца. Сначала «мальчиком», а потом приказчиком. Купец был доволен Алешей, т. к. он быстро считал, был приворотный, добросовестный. Когда в субботу Алеша шел домой, ему купец всегда давал гостинцы, которые он приносил домой и с гордостью раздавал всем, ведь это он заработал.

Однако эта работа не удовлетворяла Алешу, да и отцу была не по душе.

В 1911 году летом Алеша пошел в село Архангельское к священнику Авельяну за четниками, а тот ему заявил: «Куда тебе, от печника, да метиши в ученье». Не растерялся: «Ничего, батюшка, ведь и от профессоров да от попов бывают пастухи». Возмутился священник, но четники все же дал.

В воскресенье, увидев в церкви отца, священник сказал: «Ну, Степаныч, башковитый у тебя парень,

далеко пойдет». Священник знал Алешу по училищу, т. к. преподавал там Закон божий. И кроме того, Алеша пел на клиросе (раньше обязывали петь на клиросе тех, у кого священник или дьякон определяли хороший голос).

Осенью в 1911 году Алексей поступил в Вологде в фельдшерско-акушерскую школу, как наиболее доступную для крестьян-средняков. Окончил ее в 1914 году весной, а осенью был призван в армию.

В 1914 году летом замешал в селе фельдшера Левушкина, кажется месяц, а может два, я уже забыла.

Вечерами много читал, писал стихи, по гуляням не ходил, но осенью перед уходом в армию, когда в деревнях рекрута последние 2—3 недели гуляли, разъезжая на лошадях с колокольцами, Алексей шутя говорил: «Уж раз я рекрут, то и мне положено гульнуть!».

Изредка тоже с ребятами ездили по деревням, по посёлкам. Там брал играть в кадиль ту девушку, которую обходили другие ребята. А дома сестры над ним смеялись: «Ну уж и играл с кем, ее никто и не берет, кроме тебя». Алеша смеялся: «Мне все равно с кем играть, а она пусть радуется, все же с фельдшером играла».

Вечерами сестры и мама плели косынки, Алеша очень любил слушать, как сестры пели частушки под звон колокольчиков и сам иногда садился за чай-либо кутуз и пел частушки растягивая слова и выходило очень забавно:

Рекрута, вы рекрута,
Вам дорожка не туда,
Дорожка косогорчиком,
Кататься

с колокольчиком.

Иногда приводил парней-рекрутов в гости, приходили девушки, да свои две сестры Шура и Августа и устраивали посиделку.

Мама бывало сидит, смотрит на него и со слезами говорит: «Не могу пасмотреться на тебя, Алешенька, ты так мало бываешь дома. Вот в праздники всегда сижу под окном и плачу: все ребята гуляют, а моего и нет».

Алеша обнимает маму (он ее очень любил и был ласков к ней) и говорит: «А ты бы, родная моя, радидалась да приговаривала: все-то дураки скачут, а моего хоть дурака нет».

М. А. КОНДАКОВА

(ГАНИНА).

(Продолжение следует).

ВОСПОМИНАНИЯ О БРАТЕ

(Начало в № 122—123).

За годы службы в армии Алексей подружился с Есениным, который работал в том же госпитале санитаром. Вероятно, их сблизило то, что оба писали стихи.

Летом в 1917 году Ганин и Есенин приезжали дважды в Вологду, а в конце августа или начале сентября Есенин вместе с З. Райх приезжал в Коншино.

Я в это время была в Вологде, готовилась поступать в гимназию по инициативе брата. Алеша очень хотел, чтобы я училась и взял меня на свое обеспечение, т. к. надо было платить за обучение. Да и обуть, одеть отец был не в состоянии. По настоянию Алексея и младший брат Федя в 1916 году поступили учиться в Тотемскую учительскую семинарию. В отношении Феди и отец не возражал, т. к. боялся сыновей оставить в деревне на маленьком клочке земли на мучительную жизнь, которую он сам испытывал.

В Вологде Алексей с Есениным заходили ко мне на квартиру, где я жила у Рязовиковой Е. И. на Малой Богословской в доме Попова-Лобачова, и я с ними ходила обедать в ресторан. В ресторане я смотрела по сторонам, меня удивляли люстры, посуда, картины и все, что там было. Алеша же о чем-то разговаривали с Есениным и изредка мне подсказывали, как правильно держать ложку, как есть. Из разговора меня не интересовал, ведь я из деревни девочка 10 лет, да и Есенин тогда был ничем не примечателен и незвестен.

Из Коншино они очевидно поехали на Соловки через Моржену, т. к. на лодки от нас наиболее удобно ехать на Моржену.

Здесь в Архангельске старый краевед говорил, что Есенина и еще двоих видел кто-то на бульваре, но он ни с кем не встречался здесь. Сестра Лена говорит, что Есенин, Райх и Алеша ходили гулять на косогоры под Кузьминское и она с ними ходила. В тот гол поле это было ржаное, а брат очень любил ржаное поле с его васильками. Гуляли они и в деревне, Лена помнит как Райх и Федя плясали. Младший брат Федя хорошо плясал, играл на балалайке, на гитаре и гармошке, которую ему подарили Сергей Есенин в 1916—1917 гг., когда Федя приезжал в Петроград.

В 1918 году оба брата ушли добровольцами на гражданскую войну. Федор — на фронт по борьбе с Колчаком, а Алексей — на Северный фронт и служил в Красноборском госпитале фельдшером, где написал стихотворение «Братья, плотнее смыкайте ряды».

В 1919 г. Ганин работал в Карлсборгском военном лазарете. Вместе с ним работал доктор Фалин Александр Владимирович, который в своем письме хорошо отзывался о моем брате:

«Военный фельдшер Ганин А. А. проявил себя хорошим помощником врачей, инициативным и энергичным работником. Безусловно выполнял свои обязанности во время операций. Нередко самостоятельно решал много разных задач. Налаживал сани-

тарный транспорт, эвакуировал раненых и больных, следил за бесперебойным снабжением медикаментами и перевязочными материалами своего госпиталя и олигиих военных частей. Наблюдал за питательно-согревательными пунктами, которые он же и организовал. Был требователен к себе и подчиненным. За недобывость строго высыпал. Сам работал не счи-таясь со временем. Он занимался даже заготовкой топлива. Работал с присущей ему настойчивостью».

Хороший организатор здравоохранения в полевых условиях, а поэтому пользовался у товарищей за-служенным авторитетом и уважением. Среди своих коллег он выделялся образованием, широтой взгля-дов. В свободное время (редко довольно) он что-то писал в своей самодельной тетради. Хорошо рисовал, иногда читал вслух стихи.

Ганин — поэт (продолжает д. Фалин), прекрасной души человек, внес немалый вклад в общее дело борьбы за Советскую власть на Севере против интервентов и белогвардейцев.

К людям Ганин был отзывчивый, добрый, кроме работы в госпитале иногда ходил лечить гражданских в ближайших деревнях».

В июне 1918 года Алеша приехал видимо в Вологду по делам и заехал к сестре Августе в деревню Медведево. Пришел вечером поздно с поезда и, не желая беспокоить хозяев, лег спать в телегу, которая стояла у крыльца.

Утром, обнаружив в телеге гостя, все были безгранично обрадованы, но сожалели, что спал на улице. Утром у Августы собралось много гостей по случаю праздника в деревне. Алеша с гостями сфотографировался и на следующий день уехал обратно.

В 1919 году, в конце, брат женился. В 1920 году работал в г. Вологде в культпросвете 6-й армии. В 1921—23 учился в педагогическом институте в Вологде на литературном отделении. В то же время сотрудничал в журнале «Кооперация Севера». Федор тоже учился в педагогическом институте вместе с Алешей. Алексей жил тогда на ул. Урицкого в доме Ломакина, имел небольшую комнату, а Федя жил в общежитии. Когда я гостила у Алеши (он был уже женатый), была удивлена, как он успевал и учиться, и работать, и дома много делал, помогая жене Гале. Долго сидел вечерами — читал, писал. Часто к нему приходил А. П. Германов, они долго сидели и разговаривали тихо, а мы с Галей спали.

1920 год был тяжелый, плохо с питанием, нам в Вологду привозил отец продукты, т. к. его два брата уехали с семьями в Сибирь и отец купил у них посев ржи, а летом на их земле сеял яровые, садил овощи, поэтому мы уже были сыты продуктами со своей земли.

Когда у них было плохо с питанием, Алеша говорил жене: «Пой, Галька»:

«Нет ни сахара, ни чаю,
Нет ни хлеба, ни вина.

Вот теперь я понимаю,

Что писателя жена».

А сам пел и приплясывал. Алеша никогда не унывал, любил шутить.

М. А. КОНДАКОВА

(ГАНИНА).

(Продолжение следует).

ВОСПОМИНАНИЯ О БРАТЕ

(Начало в №№ 122—124).

Летом в 1920—23 годах Алексей всегда приезжал в деревню. Летом 20-го вместе с женой жил, а в 1921 году у них родилась dochь Валентина и тоже лёто жили дома. В 1923 году зимой родился сын Саша и Алексей со всей семьей лето жил дома до самой осени.

Летом в 1923 году свидетствовала в деревнях динентерия, он лечил детей в своей и соседних деревнях. Много спас детей, а сына упустил. Саша умер в месяце и Алеша очень переживал смерть сына.

К тому времени у нас стало много земли, хлеба, была лошадь и 2 коровы. Отец не ходил на заработки летом, да и зимой редко. Вся семья любовно, с усердием работала на земле, стала сыта своими продуктами. А как радовался, бывало, отец — не выражать словами.

Первое время ежедневно ходил он в поле смотреть всходы. Вернется и говорит: «Хорошие всходы, мать». От радости со слезами целовал землю и не верилось ему, что это его земля, о которой мечтала вся семья долгие годы и завидовала тем, кто ее имел.

Подошла осень, зашумела высокая рожь. Мама и сестры с радостью жали не зная усталости и не верилось им, что жнут не на чужой полосе, а на своей.

Алеша очень любил сенокосную пору и посвятил ей стихотворение «Покос».

Однажды братья и сестры косили в маленьком лужке, а там много было кочек, Алеша искривил косу и решил исправить, воткнул в кочку и сломал.

Отец почему-то не был на лугу. Идя домой, брат пел песню на манер былины, на ходу ее составляя:

«Не ругайся, мой батюшка,
Не сердися, родименький.

Я косил траву шелковую,
Искривил свою косоньку
И хотел ее исправить,
Да сломал свою острую».

Федя и сестры по дороге смеялись над Алешей: «Будет тебе сейчас от тяти».

Наш отец был довольно строгий. Мы все его боялись, не смели ослушаться, но в то же время он был и очень добрый, любил всех детей. Когда приходил с работы по субботам или воскресеньям, приносил всегда гостинца. Увидев его от поскотины, мы гурьбой бежали встречать и бросались на шею.

Нас было много, но отец всех детей очень любил, шутил, играл, рассказывал разные истории, смешные бывальщины и мы все его очень любили.

Отец наш не курил и никогда не пил водку, каждую копейку сберегал. Надо сказать, что мы жили не богато, но все же сносно одеты, обуты и сыты.

Мать и сестры весной до сельхозработ, зимой и осенью плели косынки и продавали в селе. И мы младшие плели и помогали по дому, чем могли. Всем было какое-либо дело, у нас не было пустых вечеров.

Отец то вил веревки, то прял, то шивал обувь, шил стельки, но что-то всегда делал, он даже вязал носки и рукавицы. В молодости хорошо рисовал и мечтал стать живописцем, но не удалось в силу

семейных обстоятельств. Учиться ему пришлось один год у какого-то дьячка.

Как интересно было вечерами, когда под звон колокольчика слышалось тихое пение частушек, которые пели сестры. Алеша тоже любил слушать частушки, а иногда их пел сам. Пел очень забавно:

«Ягодиничка-матрос,
Не проливай у девок

слез,
У девок слезы зря

прольешь».

Любил записывать новые

частушки.

Сестра Августа рассказывала, как они с Шурой летом на багомолье завивали волосы, а Алеша им пел:

«Сероглазая, не вей
На головушке кудрей,
Из-за твоих кудеречек
Гоняют с посыденочек».

Или:

«Милка кудри завивает
Да и мне велит завить,
Как завью так и не будет
Кудреватого любить».

Вдруг ночью случилась гроза, все выбежали на улицу и кудри у девиц размочил дождь. Алеша подшучивал над ними: «Как же вы без кудрей? Женихи теперь смотреть на вас не будут».

В дождливую погоду и вечериами Алексей уходил обычно в мезонин читать, писать. Он так увлекался своей работой, что не слышал, когда к нему обращались. Приходилось повторять несколько раз, особенно когда звали ужинать. Потом приходя извянялся.

У Алеши была богатая библиотека. В мезонине они с Федей сделали книжные полки от пола и до потолка, там были произведения Шекспира, Некрасова, Толстого, Пушкина, Гоголя, Гюго, Баратынского, Тургенева, Достоевского, Горького, Кольцова и много-много других. Были книги и по философии. Рукописи стопочками лежали на полу шитые или скрепочкиами скрепленные.

Сам он сделал столик-полку, на которой писал, а иногда писал сидя на сундуке, который стоял в мезонине.

Особенно в тихие летние вечера Алеша любил сидеть на балконе, откуда далеко была видна вся окрестность. Он всегда говорил с гордостью: «Как красиво кругом!».

Возможно, здесь он и написал стихотворение «Взманила мечтами дорога», где есть слова:

«Сияют церковные крыши,
Ясна тишина деревень,
Уснула и ласково дышит
Прохлада на красный

плетень».

Особенно любил работать ночами, когда никто не мешал.

Часто он в летние дни забирался на развесистую иву, там читал или пел. Любимая его песня была «Вечерний звон». Иногда под ивами раскладывал одеяло на траве, приносил подушку и глядя в небо долго лежал молча.

Любимым местом его было и наша маленькая пойскотина — «Лисьи горки». Он долго бродил там, собирая грибы, или просто гулял.

Часто ходил на берег реки Бахтиги перед деревней Гоголицыно, там были наименее глубокие два омута с темной водой, точно огромные чаши, это в нескольких метрах от поскотины. Долго сидел Алеша на берегу реки, особенно на закате солнца и любовался красотой природы.

Отец бывало пробирал Алексея за то, что он писал: «Бумагу марать — деньги не заработкаешь». Алеша очень много времени требовалось на домашние работы, на учение, а писал в свободное время, ночами.

Помню, когда Алексей приезжал домой, наш дом был полон радости и веселья. Мама начинала печь ежедневно что-то особенное, вкусное и все новое. Алеша садил нас с Леной

по очереди на плечи и бегал по избе. Вечерами долго разговаривал с родителями. Особенно он любил маму, она была у нас ласковая. С фронта писал ей: «Добрая мать, не грусти обо мне!».

Когда появлялся Алеша дома, в избу всегда приходили соседи: ребяташи, девушки и женщины — посмотреть на Алексея, мужчики — покурить городского табачку и узнать о жизни в городе. Первыми гостями всегда были тетя Авдотья и дедушка Дуганов, ну и, конечно, ребяташи. Удивительно, он умел вести разговор со всеми: и старыми, и малыми, и образованными людьми. Был находчив.

Играл в городки с ребятами (они с Федей сделали городки и палки, которые у нас под крыльцом лежали до конца существования дома).

Сам он иногда заходил к Брызгалову В. Б., как наиболее развитому из мужиков.

В нашем доме почти всегда было весело, т. к. самих было много, да приходили девицы и парни гулять. За столом любили шутить, особенно наш отец, ведь вся семья без всяких дёл имеет возможность поесть только за столом.

Однажды раз в Крещенский сочельник ели кутью из пшеницы и гороха. Я не знаю, что загадывали девушки, но они старались «выкнуть» ложку кутьи и положить под мышку, но так, чтобы никто не заметил.

Так вот сестра Шура в один из таких вечеров спрятала кутью в надежде, что никто не заметил, т. к. никто не обратил внимания, возможно, и в самом деле не заметили. Вдруг Алеша спокойно говорит: «Шурочка, не обожглась?». Все засмеялись, а Шура вышла из-за стола сконфуженная, что ее тайна раскрыта.

М. А. КОНДАКОВА
(ГАНИНА).
(Окончание следует).

ВОСПОМИНАНИЯ О БРАТЕ

(Окончание. Начало в № 122—125).

По внешнему виду Алеша был среднего роста, коренастый, блондин со светло-голубыми выпуклыми большими глазами, брови белые, носил коротко подстриженные волосы. В детстве при ссоре ребята его называли сивым. Он им отвечал: «Я не сивый, я белый, сивые лошади бывают». Одет всегда аккуратно, подтянут.

По характеру Алеша был серьезный, настойчивый, аккуратный, смелый, сильный, обладал силой воли, был трудолюбив, исполнителен. Не терпел расхлябанности, лени, несправедливости, потхалимства.

Он всегда смело и прямо, невзирая на личность, горячо отстаивал свои взгляды.

Никогда и никого не боялся, говорил в глаза правду кому угодно. Говорил Алеша негромко, внушиительно, но в споре был горяч. При всех своих деловых качествах любил шутить, был веселым, добрым. Приезжая домой, всегда привозил всем гостинца.

Последний раз Алеша со своей семьей приезжал в деревню весной 1923 года и жил дома все лето до осени. Осенью 1923 года уехал в Москву сдавать стихи в печать, хотел поступить в Московский университет, мечтал стать профессором русского языка.

Стихи в Москве в 1924 году печаталась, но все или нет? Неизвестно. Из Москвы он так и не вернулся. Его жизнь оборвалась в 32 года.

Жена его, Гильда Даниловна, жила с дочкой Валей зиму у нас в деревне, а потом уехала к своим родным в Эстонию. Умерла она в 1935 году. Дочь умерла в 1943 году. Похоронены обе в Выру, в Эстонии, я была на их могиле. Уезжая в Москву, Алеша

заглянул к себе на квартиру в Вологду, где у него на ул. Мира, 14 (теперь) была комната, в которой долго жила я. Я в то время поступила учиться в педтехникум.

Помню, Алеша мне давал советы: «Не выходи рано замуж, научись хозяйничать, кое-что делать (стирать, готовить и др.), а то моя Галька ничего не умеет делать, мне много приходится делать самому. Ей трудно и с ней трудно».

Давал советы в учебе, в хозяйстве, каким должен быть вообще человек и женщина в частности. Обещал меня взять в Москву, если устронется сам.

Долго мы ждали, ждали дорогого брата, сына, мужа и отца, да так и не дождались. 30-го марта 1925 года его постигла трагическая смерть. Его стихи и библиотека бесследно исчезли. В 1937 году умер отец, мать внезапно пропала дом. Книги и рукописи увезли сестры в Шачино и Офликино. На рукописях, на обратной стороне ребята сестры Анны писали (делали тетради, т. к. бумаги в войну не хватало). Часть книг, видимо, растеряли, а кое-что было увезено в Шачино, но там сгорело во время пожара дома сестры Шуры. Я в те годы жила с семьей далеко и в годы войны было трудно возиться с книгами.

В одном из стихотворений Алеша писал:

«Руке послушен пар
и радий, и магнит
Велик, велик наши дни.
О! Золотое завтра
Кто мог в пути сквозь

ночь

Зажечь огни, как мы!
К великому сожалению,
брату не довелось дожить
до «золотого завтра», о котором он так мечтал.

Мечтал о лучшей жизни и наш отец. Он ждал, что сыновья выучатся и допь (т. е. Я — Мария). полу-

чит землю и будет жить съто и весело.

Отец активно участвовал в демонстрациях, посвященных революции. В февральские дни 1917 года проходили в селе мощные демонстрации крестьян, наш отец был в первых рядах. Не помню с кем они в гневе сшибли голову с памятника царю Александру-освободителю. Памятник стоял прямо церкви.

В дни гражданской войны, когда они были очень трудные, бывала тетя Авдотья говорила отцу: «Больно и бегал с флагами-то по селу, сшиб голову царю на памятнике, вот бог-то и наказал». Отец отвечал: «Ничего, Авдотья Дмитриевна, будет и наше время, будет и на нашей улице праздник».

М. А. КОНДАКОВА
(ГАНИНА).

2.03.1979 г.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Подготовленная рукопись к печати, мы заметили в ней некоторые различия с публикациями других авторов, но же решили ничего не менять и не оговаривать. В биографии Ганина по понятным причинам много «белых пятен», разбираясь с которыми надо квалифицированно и не спеша. Оставим это специалистам: краеведам, историкам, литературоведам.

Может быть у читателей возникнет вопрос: в сноске (10.08) указано, что «Воспоминания» публикуются впервые, почему же встречаются знакомые по другим публикациям эпизоды?

По свидетельству А. Еремеева «Воспоминания о брате» написаны лично М. Кондаковой и переданы в дар музею Архангельской школы. В полном объеме не были напечатаны, но отдельные эпизоды автор, естественно, рассказывала во время различных бесед, выступлений и они попали в печать.

В той же сноске мы отмечали, что «Воспоминания» даются с сокращениями, но они не значительны по объему и сделаны, надеемся, не в ущерб содержанию. Опущены, на наш взгляд, несущественные, но слишком подробно описанные детали устройства дома, участка и т. п. а также повторяющиеся эпизоды, характеристики людей.

Почти не понадобилась обычно ненужная в таких случаях литературная правка: текст написан грамотно, хотя и местами непоследовательно (мы это тоже не стали менять).

Редакция благодарит А. Еремеева за предоставленные по его инициативе для публикации рукопись и фотографию А. Ганина, подаренную музею Н. Парфеновым.